
**МИХАИЛ БАХТИН:
ПОДСТУПЫ К БИОГРАФИИ
(Из материалов международного семинара,
22–24 сентября 2022 г., г. Саранск)**

УДК 801.73

DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.01

В.Л. Махлин

**МЫСЛИТЕЛЬ БЕЗ БИОГРАФИИ,
ИЛИ ПОЧЕМУ БАХТИН ТАК ТРУДЕН?**

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского
научного фонда (проект № 22–28–00262 «Философская программа
М.М. Бахтина в контексте философии XX в.»).*

Аннотация. Самоочевидный, решающий, но не всегда осознаваемый факт научной биографии М.М. Бахтина заключается в том, что у этого русского философа и ученого не было «научной биографии» в привычном смысле этого термина. Бахтин, в сущности, выпал из своей биографии, как он сам говорил, «начиная с Октябрьской революции»; выпал из истории предпосылок, становления и логики развития его научно-философской программы, сложившейся в конце 1910-х – начале 1920-х годов, которую он модифицировал на протяжении последующих десятилетий. Отсюда – заметный разрыв между мышлением Бахтина и мышлением его «постсовременных» интерпретаторов; отсюда же кардинальный вопрос бахтинистики: «Откуда взялся Бахтин?», а также парадокс, в жанре «серьезно-смехового», истории рецепции: Бахтина часто толковали с тех самых теоретических позиций, *из критики которых* он исходил за 40, 50, 80 лет до того. Осознание трудностей требует нового историко-систематического подхода к его наследию, который позволил бы понять, каким образом Бахтин, как философ и ученый, *ответил* на три основных революции (в России и на Западе) своего переломного времени: (1) в сфере общего мировоззрения, (2) в области философии и (3) в гуманитарно-филологическом мышлении.

Ключевые слова: биография; научно-философская программа; онтологически-событийный разрыв; постсовременность; Новое мышление; интеллектуальные революции в философии и в гуманитарных науках.

Получено: 01.11.2022

Принято к печати: 02.12.2022

Информация об авторе: Махлин Виталий Львович, доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Нахимовский проспект, 51/21, 117418, Москва, Россия.

E-mail: vitmahlin@mail.ru

Для цитирования: Махлин В.Л. Мыслитель без биографии, или Почему Бахтин так труден? // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(59). С. 9–21. DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.01

Vitalii L. Makhlin

THE THINKER WITHOUT A BIOGRAPHY, OR WHY BAKHTIN IS SO DIFFICULT?

Acknowledgements. The work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22–28–00262 “M.M. Bakhtin’s Philosophical Program in the Context of Philosophy of the 20th Century”).

Abstract. The article is an attempt to analyze the fact that Mikhail Bakhtin, a Russian philosopher and scholar, did not, and still has no, “scientific biography” in the common sense of the term. Bakhtin actually fell out of his own biography “beginning with the October Revolution”, as he put it himself, retrospectively, in connection to his pre-revolutionary cultural generation. Hence, a fateful rupture between his legacy, on one hand, and the reception history of his work, on the other, as well as an important question of the so-called Bakhtin studies: “Where did Bakhtin – eventful put to question 40, 50 or 80 years before. Bakhtin’s case seems to be instructive, primarily, from the point of view of the biography of any creative author. For, in any case, we come to understand and evaluate the work of a philosopher, a scholar or an artist, primarily, against the background of his or her biography including historical, cultural, social, and other contexts of the author’s life. Thus, if we come to know the ontologically-historical rupture between Bakhtin’s historicity and our own, we have to work out a method of reconstructing and re-evaluating Bakhtin’s initial philosophical program and the development of that program during the Soviet epoch. What seems to be at stake, in this perspective, is a reconstruction of Bakhtin’s intellectual biography as his response to, at least, *three* major intellectual revolutions or challenges in the European and Russian culture in the first decades of the 20th century. These are: (1) an all-compassing historical break in the social and religious consciousness of the modern times; (2) the so-called New Thinking in the philosophy during

and after the First World War; (3) a radical turn in the history of literature and the humanities.

Keywords: biography; scientific-philosophical program; the ontologically-eventful rupture; post-modernity; the New Thinking; intellectual revolutions in philosophy and in the humanities.

Received: 01.11.2022

Accepted: 02.12.2022

Information about the author: *Vitalii L. Makhlin*, DSc in Philosophy, PhD in Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovskii Prospect, 51/21, 117418, Moscow, Russia.

E-mail: vitmahlin@mail.ru

For citation: Makhlin, V.L. "The Thinker Without a Biography, or Why Bakhtin Is so Difficult?". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(59), 2023, pp. 9–21. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.01

1. Речь пойдет о некоторых особенностях творческого пути М.М. Бахтина, которые остаются малозаметными, поскольку это не факты, а скорее пробелы между фактами. Тезис моего выступления следующий: Бахтин как мыслитель, как философ, каковым он сам себя всегда считал, как бы выпал из собственной биографии – по его же словам, «конечно, не с детства, не с юности, а с Октябрьской революции» [3, с. 219]. В беседах с В.Д. Дувакиным (1973) это сказано задним числом о людях своей культурной формации, но к М.М. Бахтину это относится в особом смысле.

Наш тезис не надо понимать слишком буквально. Благодаря западным и российским исследователям (М. Холквист и К. Кларк, С.С. Конкин, Н.А. Паньков, В.А. Лаптун, И.В. Пешков, работы С.Г. Бочарова, В.В. Кожина, В.Н. Турбина и др.) мы в настоящее время располагаем весьма солидным биографическим материалом. Но все эти, иногда бесценные, свидетельства, как мне кажется, со всей очевидностью продемонстрировали существенные пробелы в *биографии мышления* М.М. Бахтина, т.е. в его интеллектуальной биографии.

Всякое творческое мышление – в искусстве, в науке, в философии – обычно рассматривается и оценивается исследователями в объективном биографическом, общественно-историческом, историко-культурном и ином контексте и контекстах, в которых данное творческое сознание реализовалось, воплотилось в своем времени, в своей современности. В случае Бахтина, однако, иссле-

довательская трудность – в том, что у него фактически нет устойчивого цельного *образа авторства*, на фоне которого данное творческое сознание и мышление можно было бы увидеть и понять. Иными словами, его интеллектуальная биография, употребляя его же терминологию, не вмещается в сколько-нибудь «официальный» образ и образы времени; современность была для него, с одной стороны, неприемлемой и чужой, но с другой стороны, в чем-то по-своему, неофициально своей. В этом «чужом-своем» советском времени, которое для людей дореволюционной культурной формации «не стало чем мерить» (как сказано в «Охранной грамоте» Б. Пастернака), Бахтин был тем не менее, по выражению О. Мандельштама, «тоже современник». Почти уникальный опыт развития бахтинской мысли совпадает и *не* совпадает с «биографией» в привычном смысле слова: биографию мысли еще и теперь (и в особенности теперь) «нечем мерить» – за вычетом официального образа советской современности.

А между тем М.М. Бахтин с полным правом определил в конце жизни внутреннюю устойчивость и цельность своего творческого пути: «Единство становящейся (развивающейся) идеи. <...> Моя любовь к вариациям и к многообразию терминов к одному явлению...» [1, т. 6, с. 431]. Сегодня, во всяком случае, уже можно показать, что на протяжении своего времени и своей жизни М.М. Бахтин высказывал и развивал свою исходную *программу критики и преобразования* «гносеологизма всей философской культуры 19-го и 20-го века» [1, т. 1, с. 160], «последних четырех веков европейской культуры» [1, т. 5, с. 89], «всей идеологической культуры нового времени» (как сказано в обоих изданиях книги о Достоевском (1929 и 1963 гг.). Советская и западная «постсовременность», читавшая и толковавшая Бахтина, начиная с 1960-х годов не могла не воспринимать его тексты в горизонте *своей* современности, т.е. в ситуации не просто хронологического отрыва, но онтологически-событийного *разрыва* с научным и духовно-идеологическим мотивационным контекстом, с самой атмосферой первой трети прошлого столетия. Разрыв этот, в России катастрофический, привел к тому, что эпоху спустя не оказалось *диалогического* подступа к неофициальной (не риторической) современности бахтинской мысли, и не только в СССР, но по-своему и на Западе. Таков, как мне кажется, основополагающий факт и, соот-

ветственно, фундаментальное «зияние» в интеллектуальной биографии М.М. Бахтина.

2. С этим основополагающим пробелом связана другая трудность – *перманентная смена языка разговора в прогрессирующем отсутствии реального разговора*. Отчасти смена языка уже в 1920-е годы объяснялась, так сказать, технически: философ сменил специальность, стал литературоведом, хотя и не обычным. Здесь опять-таки приходится преодолевать известный стереотип: Бахтин, насколько можно судить, не «писал в стол» (так называемые лабораторные записи не в счет), а наоборот, умудрялся воплощать *вариативно* («моя любовь к вариациям») исходный принцип своей философии – идею *участно-хорового* (диалогического) мышления и сознания, «участного» в чем-то большем, чем мыслящий и говорящий сам по себе. Эта конкретно-историческая «дружность» («хор» и «хоровая поддержка» в ранних текстах, позднее, на официальном языке – «социальность»), по мысли Бахтина, – условие возможности, благодаря которой говорящий или пишущий только и может сказать или помыслить что-то свое. В этом отношении современный человек «в жизни» подобен автору романа, который, как сказано в «Слове в романе», «может пользоваться языком, не отдавая себя ему всецело, он оставляет его получужим или вовсе чужим, но в то же время заставляет его в последнем счете служить все же своим интересам [1, т. 3, с. 52]. Вынужденный большую часть жизни изъясняться на чужом для него языке мысли, Бахтин модифицировал «чужую речь» от десятилетия к десятилетию, чутко реагируя на изменения официального языка, так что даже пресловутая «теория отражения» предстает у него в официально как бы приемлемом (но тем более не очень понятном) смысле [1, т. 5, с. 320]. Он не писал «в стол», возможно, потому, что даже советская современность заключала в себе, в своей «конкретной историчности» [1, т. 1, с. 8], больше истины, чем она сама о себе думала и говорила, как всякая официальная риторика, «в меру своей лживости» [1, т. 5, с. 63–70]. Вместе с тем современность потомков, лишенная преемственности, вероятно, уже не будет располагать ключом к прошлому, а будет оценивать его либо с официальной точки зрения, либо отрицая официальное прошлое, т.е. тоже с отрицательной точки зрения.

Так примерно и произошло на новом очередном переломе эпох, в конце прошлого и в начале нынешнего столетия. Высказываясь на языке (языках) советской современности, Бахтин начиная с 1960-х годов предстал, в лучшем или в худшем случае, *как бы* понятным, тогда как фактически он словно замуровал себя в своей современности, оставшись, по сути дела, чужим как в «своем» времени, так и в эпоху «постсовременности».

Выразительный пример собственной речи на несобственном языке – допрос в ГПУ в декабре 1928 г. Передавая содержание одного из своих выступлений в религиозно-философском кружке, Бахтин пересказывает на «социологическом» языке 1920-х годов мысль Макса Шелера об исповеди, но так, что до сих пор не удастся найти первоисточник сказанного – настолько в передаче эта мысль уже бахтинская [7, с. 183].

О двойственности экзотерического и эзотерического дискурсов в индивидуальном высказывании писал, в частности, такой классик политической философии прошлого столетия, как Лео Штраус в своей статье (1941) и в книге «Преследование и искусство письма» (1952). По мысли Л. Штрауса, в современную эпоху философ вынужден пользоваться как бы двумя языками – для образованной элиты и для массового читателя; интеллектуал-одиночка использует особый зашифрованный язык, чтобы общаться с обществом таким образом, чтобы его одновременно понимали и *не* понимали¹.

Если двойственность несобственной прямой речи почти нормальный случай в условиях массовой культуры, то не стоит удивляться тому, что в истории рецепции наследия М.М. Бахтина было (и остается) много недоразумений и неясностей, причем на обе стороны: для литературоведов, филологов, историков культуры он зачастую – чересчур философ, а для философов – скорее литературовед; для западных гуманитариев он подчас слишком «русский», а для российских – слишком «европеец».

3. Выпав из своей неофициальной научной биографии, Бахтин не оставил и не мог оставить после себя нормальную биографию, тем более – автобиографию наподобие, скажем, философ-

¹ Известный американский критик Поль де Ман в своей статье о Бахтине (1983) сослался на книгу Л. Штрауса, но ограничился односторонним политическим аспектом проблемы; см.: [12, с. 105–114].

ских автобиографий Н.А. Бердяева, К. Ясперса, К.-О. Апеля или Г.-Г. Гадамера. Ведь биография (тем более автобиография) – Бахтин продемонстрировал это в «Авторе и герое...» – для того, чтобы вообще состояться, должна опираться не только и не просто на так называемое личное начало (сколь угодно экзистенциальное и индивидуальное), но еще и на относительно прочную культурно-коммуникативную среду, на «идеологическую среду сознания», на «внутреннюю аудиторию», т.е. на какую-то «другость» или, по выражению в «Слове в романе», на «внутренне убедительное слово». Но вследствие онтологически-событийного разрыва преемственности в советский век у Бахтина уже с середины 1920-х годов не было нормального дискурсивного опосредования между внутренней аудиторией и публичной аудиторией, т.е. не было адекватного адресата. Литературовед Л. Пинский на вечере памяти Бахтина (31 марта 1976 г.) не случайно назвал своего коллегу-друга 60–70-х годов «философом-молчуном» [7, с. 34].

В истории рецепции М.М. Бахтина два его позднесоветских современника – философ и филолог – проницательно указали на происшедший в его случае разрыв духовно-идеологической и научно-гуманитарной преемственности. На волне сенсационной популярности Бахтина на рубеже 80–90-х годов Мераб Константинович Мамардашвили сказал в интервью: «Я понимаю, почему, например, у Бахтина не было учеников. И дело даже не в том, что он как ученый занимался такими предметами, которые трудно передать, поделиться с другими. Дело в том, что каждый из нас оказывается часто в ситуации, когда нужно по своему опыту что-то посоветовать молодому человеку, – и вдруг такой совет невозможно дать... Думаю, Бахтин хорошо понимал эту ситуацию» [9, с. 177].

Сергей Георгиевич Бочаров описал ту же ситуацию, начав с этого, наверно, лучший мемуарный очерк о Бахтине: «Уже когда это стало непоправимо, я понял, что мало разговаривал с Бахтиным. Мы, конечно, новые знакомцы, были начитанные и достаточно словесные. Но чувство, что *нет ему среди нас собеседника*, было. И на общении это сказывалось» [4, с. 47–48].

4. Бытийно-исторический разрыв преемственности имел фатальные последствия для всей истории так называемой бахтинистики. При всей значительности многих исследований не будет

большим преувеличением утверждать, что в *биографию мышления* нашего автора почти еще не ступала нога человека (исследователя). Реконструкция интеллектуальной биографии Бахтина – трудная, но актуальная проблема и задача историко-философского и научно-гуманитарного исследования после конца Нового времени в прошлом столетии. Труднее всего, наверно, осознать сам разрыв преемственности и выработать в какой-то мере новый подход, адекватный конкретной *историчности* бахтинской мысли, а значит – реальный подступ к интеллектуальной биографии Бахтина, способный дать ответ на старый вопрос: «Откуда взялся Бахтин?».

В этой перспективе можно говорить как минимум о трех событиях, трех революциях в духовно-идеологической и научно-гуманитарной культуре на исходе Нового времени, соответственно – о трех «вызовах», *ответом* на которые (поистине «диалогическим») стало мышление М.М. Бахтина на переломе европейской и русской истории в «столетнее десятилетие» 1914–1923 гг. (по выражению Е. Замятина [5, с. 101]), когда, как сказано в прологе романа Т. Манна «Волшебная гора» (1924), «началось столь многое, что потом оно уже и не преставало начинаться» [10, с. 8]. Это, во-первых, некоторое общее духовно-идеологическое движение конца XIX – начала XX в.; во-вторых, переворот в философии; в-третьих, ряд революций в научно-гуманитарном мышлении (в частности – в литературоведении).

Общеввропейское духовно-идеологическое движение начала века – явление общеевропейского порядка, но в дореволюционной России оно носило ярко выраженную религиозную окраску². Что Бахтин был религиозен, известно, но говорить об этом приходится с сугубой осторожностью: во-первых, потому, что наш автор почти никогда не высказывался на эту тему, а во-вторых, потому, что богословско-религиозная проблематика, если она как бы вдруг «всплывает» в дошедших до нас бахтинских текстах, то предстает у него в каком-то новом свете.

Вот, к примеру, фрагмент «Риторика, в меру своей лживости...» (1943): «Атеизм 19-го века – примитивный и плоский – ни

² В беседах с В.Д. Дувакиным Бахтин говорит, в частности, о «Религиозно-философском обществе», членом которого он был в Петербурге-Петрограде, и об «Обществе Владимира Соловьева», которое едва сложилось, «а потом революция – и все дело оборвалось» [3, с. 62].

к чему не обязывал религию, можно было верить “по старинке”. Новое очередное преодоление наивности. Ею определяются все основы и предпосылки нашего мышления и нашей культуры. Необходимо новое философское удивление перед всем» (рядка Бахтина. – В. М.) [1, т. 5, с. 70].

В этих строках выразились некоторые установки и мотивы религиозно-философского мировоззрения М.М. Бахтина. Достаточно отметить «всплывшее» в этой записи принципиальное устремление и направление бахтинского авторства: откуда они, из какой биографической, нериторической, конкретно-исторической «другости» «взялись» и остаются актуальными для автора во время Великой Отечественной войны, когда это было записано? Как мне кажется, *действующая* «другость» здесь – это, казалось бы, давно ушедший в небытие так называемый «русский религиозный ренессанс», но не описательный, не музейный, а переосмысленный и незавершенный, современный³.

Под этим углом зрения прочитывается мысль С.Г. Бочарова об отношении нашего автора к русской религиозной философии: «Унаследовав ее проблематику, Бахтин сменил язык философствования. Параллелей между ранними трактатами Бахтина и положениями Бердяева или Карсавина можно собрать немало, но надо установить решающий факт: он *отклонился* от основного русла русской философии начала века» [4, с. 63]. Возможно, этот «решающий факт» со временем будет понят лучше, чем позволяет сегодня наша современность; понят не только сам по себе, но как проявление общеевропейской тенденции⁴.

Вторая тенденция, вытекающая из первой, – это философская революция «столетнего десятилетия», так называемое «новое мышление» (*das neue Denken*), «*отклонившееся*» – прежде всего и

³ Подробнее об этом см.: [11].

⁴ В монографии о Рабле Бахтин цитирует из книги выдающегося немецкого историка культуры К. Бурдаха «Реформация. Ренессанс. Гуманизм» (1918) именно то место, где дается характеристика Ренессанса как общедуховного стремления эпохи к обновлению, возрождению: «Гуманизм и Ренессанс родились из страстного и безграничного ожидания и стремления стареющей эпохи, душа которой, потрясенная в самой глубине своей, жаждала новой юности» [1, т. 4(2), с. 68]. Ренессанс предвосхищал собою Новое время, а начало XX в. – его завершение и «жажду новой юности».

наиболее принципиально у наследников так называемой классической немецкой философии – от традиционной европейской традиции и распространившееся на Западе на протяжении всего XX столетия. Речь идет о такой «смене парадигмы», которая в русской философии не могла состояться *в свое время* (своевременно и нормально) и которую инициатор современной философской герменевтики Ганс-Георг Гадамер в своем обращении «К русским читателям» после разрушения Берлинской стены определил как «переход от мира науки к миру жизни» в самом научно-философском сознании и мышлении [5, с. 6].

В этом, вероятно, центральном философском событии XX в. в целом, М.М. Бахтин участвовал как *русский* мыслитель, индивидуально и национально, в тот единственный исторический момент столетней давности, когда русская философия стала, действительно, «с веком наравне». Вот почему М.М. Бахтин может показаться сегодня как бы выпавшим из истории отечественной мысли – и дореволюционной, и советской. Снова и по-новому время «не стало чем мерить».

Третье большое событие минувшего столетия, в котором М.М. Бахтин участвовал и которое поэтому является важным элементом его интеллектуальной биографии, относится к современной истории гуманитарных наук, прежде всего к литературоведению и – шире – к гуманитарно-филологическому мышлению. Именно в этих областях знания бахтинское авторство было признано и оценено (хотя и с роковым опозданием) на родине и на Западе начиная с 1960-х годов. Если в гуманитарных науках (особенно в литературоведении), начиная с упомянутого «столетнего десятилетия», доминировало стремление к *автономии* – тенденция, которую с особой последовательностью (эвристической и ни-гилистической одновременно) выразил русский «формальный ме-тод», – то Бахтин, как известно, уже в 1920-е годы ответил на эту общенаучную европейскую тенденцию позитивным пересмотром классической эстетики и разработкой нового подхода к явлениям духовно-исторического («гуманитарного») опыта, проникнутого идеей «конкретной систематичности каждого явления культуры, каждого культурного акта». Таков бахтинский принцип «автономной причастности – или причастной

автономии» [1, т. 1, с. 282] – вариация диалогического принципа в гуманитарных науках.

Опубликованное через полвека после того, как этот принцип был сформулирован в большом методологическом исследовании 1924 г., только что процитированном и оборванном автором на самом интересном месте, – этот второй глобальный замысел преобразования классической эстетики и методологии литературных исследований, в сущности, «завис» в истории науки. Замысел Бахтина, как и другие его замыслы, не был до конца реализован *в свое* время, а в последующие времена, судя по всему, наш автор уже не мог иметь настоящих последователей, а значит, и будущего⁵.

* * *

Итак, Бахтин труден, почти неподъемен в наше время не только и даже не столько потому, что от Бахтина остались, грубо говоря, «рожки да ножки» (даже монографии о Достоевском и о Рабле – только фрагменты, тексты вне основополагающих замыслов и мотивационных контекстов). Может быть, еще важнее отсутствие у нашего автора всего того, что во многих других случаях позволяет говорить о творческой или интеллектуальной биографии автора. Все это приходится иметь в виду для того, чтобы адекватная и актуальная реконструкция доступного наследия М.М. Бахтина стала все же возможной хотя бы в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений [в 6(7) т.]. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 1996–2012.
2. Бахтин под маской. М.: Лабиринт, 2000. 625 с.
3. М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 398 с.

⁵ В 2000 г. я выступал в Институте искусствознания РАН с докладом о работе Бахтина 1924 г. Когда я закончил, наступило продолжительное молчание. Наконец, один молодой искусствовед с недоверием спросил, верил ли Бахтин в Бога.

4. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него (1992) // М.М. Бахтин: Антология критики. М.: РОССПЭН, 2010. С. 47–79.
5. Гадамер Г.-Г. К русским читателям // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 6–7.
6. Замятин Е.И. О сегодняшнем и современном (1924) // Замятин Е.И. Я боюсь. М.: Наследие, 1999. С. 101–114.
7. Каган Ю.М. Люди не нашего времени // М.М. Бахтин: Антология критики. М.: РОССПЭН, 2010. С. 34–46.
8. Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993. 397 с.
9. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 363 с.
10. Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Худ. лит., 1959.
11. Махлин В.Л. Третий Ренессанс // Бахтинология: Исследования. Переводы, публикации / под ред. К.Г. Исапова. СПб.: Алетейя, 1995. С. 132–154.
12. Paul de Man. Dialogue and Dialogism // Rethinking Bakhtin /ed. by Gary Saul Morson and Caryl Emerson. Evanston (Ill.): Northwestern UP, 1989. P. 105–114.

References

1. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] [in 6(7) vols]. Moscow, Russkieslovari Publ., Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996–2012. (In Russ.)
2. *Bakhtin pod maskoi* [Bakhtin Under Mask]. Moscow, Labirint Publ., 2000, 625 p. (In Russ.)
3. *M.M. Bakhtin: Besedy s V.D. Duvakinym* [M.M. Bakhtin: Conversations with V.D. Duvakin]. Moscow, Soglasie Publ., 2002, 398 p. (In Russ.)
4. Bocharov, S.G. “Ob odnom razgovore i vokrug nego” [“About One Conversation and Around It”] (1992). *M.M. Bakhtin: Antologiya kritiki* [M.M. Bakhtin: An Anthology of Criticism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 47–79. (In Russ.)
5. Gadamer, G.-G. “K russkim chitatelyam” [“To the Russian Readers”]. Gadamer, G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of Beauty]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, pp. 6–7. (In Russ.)
6. Zamyatin, E.I. “O segodnyashnem i sovremennom” [“About Today and Modern”] (1924). Zamyatin, E.I. *Ya boyus'* [I'm afraid]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 101–114. (In Russ.)
7. Kagan, Yu.M. “Lyudi ne nashego vremeni” [“People Not of Our Time”]. *M.M. Bakhtin: Antologiya kritiki* [M.M. Bakhtin: An Anthology of Criticism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 34–46. (In Russ.)

8. Konkin, S.S., Konkina, L.S. *Mikhail Bakhtin. Stranitsy zhizni i tvorchestva*. [*Mikhail Bakhtin. Pages of Life and Creativity*]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993, 397 p. (In Russ.)
9. Mamardashvili, M. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [*How I Understand Philosophy*]. Moscow, Progress Publ., 1990, 363 p. (In Russ.)
10. Mann, T. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]: in 10 vols. Vol. 3. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1959. (In Russ.)
11. Makhlin, V.L. "Tretii Renessans" ["The Third Renaissance"]. *Bakhtinologiya: Issledovaniya. Perevody, publikatsii* [*Bakhtin Studies: Research. Translations, Publications*], ed. K.G. Isupov, St Petersburg, Aleteiya Publ., 1995, pp. 132–154. (In Russ.)
12. Paul de Man. "Dialogue and Dialogism". *Rethinking Bakhtin*, ed. by Gary Saul Morson and Caryl Emerson. Evanston (Ill.), Northwestern UP, 1989, pp. 105–114. (In English)